

Живёт в Горках мастерство дивное

...Дорога к тверским землям, что граничат с Переславщиной, начинается с Говырина. Само название нам ни о чём не говорит. Сейчас это центр Рогозининского лесничества. Но в начале XVII века, до польско-литовского нашествия, это была очень оживлённая местность. За десять лет разбоя «литовских людей» более половины селений Переславского уезда превратились в пустоши, заросшие «лесами и переломами», как говорил наш прославленный историк Михаил Иванович Смирнов. Говырино тоже стало пустошью. В 1853 году она принадлежала в одной части (по покупке от Редриковых) Ивану Алексеевичу Головкину, а в другой части — Олимпиаде Александровне Таборовской.¹

Итак, Говырино — это третий коридор к тверским землям после Москвы и Нагорья. Часто от местных жителей можно слышать такое изречение: «Лыченцы, Пески, Студенец, там и свету конец!» И диву даёшься: как мог монгольский хан Тарх сквозь лесные дебри и болота, по полному бездорожью пробраться к той местности, которая нынче называется Тархов холм?² Это высшая точка Ярославской области, 293 м над уровнем моря. Много русичей полегло в XIII веке на ратном поле в неравной сече, но и татарам досталось. Жадность одолевала завоевателей, и на память о себе они оставили татарские названия селений: Чильчаги, Брынчаги...

У деревни Горки, что сразу же за Троицким, название самое прозаичное. Много деревень на земле Ярославской называются Горки. Первая горка — это небольшая возвышенность, идущая длинным коромыслом вдоль дорожного полотна. Вторая там, где машины делают крутой поворот на Лыченцы. Первые строения в старину были здесь, а горка чем-то напоминает размытый курган.

Частые пожары вынудили жителей строиться севернее, вдоль заболоченной местности, там, где дом Евдокии Васильевны Зазнобиной. Так образовалась ещё одна улица, в конце которой ещё одна возвышенность. Южнее жёлтый дом Марии Васильевны Зазнобиной, живущей ныне с сыном Александром.

Александр так и не определился как художник, хотя в Горках он единственный мастер деревянной скульптуры, унаследовавший тайну ремесла от прославленного дяди. «Пока не знаю, подумаю!» — сказал он мне в беседе. У Марии Васильевны, бывшего депутата сельсовета (раньше Горки относились к Рогозининскому сельсовету), активного участника художественной самодеятельности — феноменальная память. Многие басни Крылова она знает наизусть, читает выразительно, быстро запоминает любое прочитанное стихотворение. Но это ещё не всё: Марья владеет большой коллекцией частушек, собранных ею за несколько десятилетий. Вот послушайте одну:

Я свою соперницу
Увезу на мельницу,
Измелью её в муку
И лепёшек напеку!

Если вы цените юмор, то можете представить, что это небольшой спектакль-миниатюра, а в ней биение трёх сердец и кипение амурных страстей... В молодости Марья была звонкой певуньей, восхищавшей зрителей в несохранившемся в Горках клубе, на различных конкурсах и даже на Некрасовских праздниках в Карабихе.

*Воронов, В. Живёт в Горках мастерство дивное / В. Воронов // *Коммунар*. — 1995. — 1 сентября. — С. 6.

¹Смирнов, М. И. Историко-географическая (хорографическая) номенклатура Переславль-Залесского края (Материалы для её изучения) / М. И. Смирнов // *Труды Переславль-Залесского историко-художественного музея*. — Переславль-Залесский, 1929. — Т. 11. — С. 30.

²Нельзя слепо доверять предположениям Воронова о каком-то хане. — *Ред.*

Некогда в Горках была деревянная церковь Покрова Богородицы, или Покровская. Церковь сгорела, и позднее жители стали ходить на богослужение в новый приход в селе Троицкое. Построена Троицкая церковь на деньги и при содействии купца Александра Филипповича Угримова, сына Филиппа Фаддеевича, в 1764 году. Это церковь с двумя престолами, но второго этажа здесь нет. Просто есть коридор на колокольню. Возможно, этот храм был символом купеческого благополучия Угримовых, людей богатых и нежадных для благотворительности.

В Троицком у них была полотняная фабрика, в Афонино писчебумажная, не считая самой первой прядильной фабрики в Переславле, ныне у Комсомольской площади. Мария Васильевна сказала, что до войны она училась в деревянной школе в Троицком, где работал талантливый учитель Алексей Иванович Иванов. Он обучал сорок человек один.

Новое название села связано с Троицким храмом, но до этого оно называлось Великий двор, чего не знают многие. Это был оживлённый торговый центр, богатый ремёслами, известный исстари ткачеством. Местные рукодельницы искусно вышивали крестом, вязали кружева, пряли шерсть и лён, ткали одежду, полотенца для красного угла в избах, для праздников. Изделия были с вензелями и добрыми житейскими пожеланиями. Одно такое полотенце, украшенное орнаментальным крестом по канве и с заглавной прописной буквой «П», мы увидели в доме Евдокии Васильевны. Она пояснила: «Эта буква означает Прасковья, так звали мою маму!»

...Собрали мы на скорую руку снедь и устроили семейный праздник для тёти Дуси. В августе ей исполнилось 76 лет. Хозяйка с утра хлопотала на кухне, я живо натаскал воды из деревенского колодца. Евдокия Васильевна была в обиде на тех, кто к ней когда-то приезжал, и сказала:

— За стол пора, некого боле ждать! Коллекцию мужа жалко, вот и всё!

Я спросил хозяйку, есть ли у неё старинный самовар.

— Самовар-то есть, да он давненько на печи стоит, некогда мне немощной с ним возиться, угли древесные нужны, да ещё раздувать его. Чайник эвон на печи русской, дуйте сколько хошь чаю-то!

Я стал рассказывать, что в Переславле славились медные захряпинские самовары, что делали на заводе купца Захряпина. Завод уже выпускал продукцию в 1848 году, в год эпидемии холеры. В большинстве переславских храмов есть красивые лампы-паникадила с традиционным растительным орнаментом. Говорят, что Захряпин был жестоким эксплуататором, и первая забастовка рабочих была на его предприятии. Забастовщики ходили на литургию в Александро-Невскую Сретенскую церковь и там предавали его анафеме.

После обеда Евдокия Васильевна показала мне остатки семейного архива. Выяснилось, что искусство народной деревянной скульптуры, изделия Владимира Николаевича широко известны за рубежом. Мне на глаза даже попался журнал на хинди, где я увидел знакомые фигурки. Хотелось бы, чтобы в городском музее на Горице искусство мастера-самородка было представлено на постоянно действующей выставке. Обидно становится, когда говорят: «Искусство масок Потапова, скульптура Зазнобина — это не искусство!» А что же это тогда? Чудачество? Частные коллекционеры так не говорят, много вещей уплыло из дома Зазнобиных!

...Мы уезжали из Горок в воскресенье поздно вечером на запоздавшем рахмановском автобусе, который, нагоняя время, шпарит так, что у Говырина вода в радиаторе стала кипеть ключом. Расскажешь — не поверят! Два больных пассажира всю дорогу стояли, а я чувствовал себя пристыженным: телефона в Горках ни одного, радио не говорит, потому что неизвестно, куда подевались столбы и провода, а на магазин горкинские давно махнули рукой. Суждено им жить «робинзонами» до скончания века своего. Большой пенсии Евдокия Васильевна не заработала, хотя вкалывала в войну как многие: и на машине грузовой шоферила, и трактором не хуже мужика управляла.

Прощаясь с Евдокией Васильевной, я низко поклонился в пояс, старушка ответила тем же.